

18+

Перов Тит Ольгович

«Рюмка» на краю бездны

"Реальность в этой поэме трескается по швам — вместе с восприятием, телом и временем. Некоторые сцены могут быть некомфортны для чувствительных читателей. Материал предназначен для взрослой аудитории (18+)".

2025

«Рюмка» на краю бездны

«Рюмка» на краю бездны — это поэтический эксперимент на стыке космического хоррора и метафизической баллады. Грузовой корабль с говорящим названием «Рюмка» берёт на борт странный артефакт — чёрный куб, после чего реальность начинает распадаться, а экипаж сталкивается с невозможным. Здесь вселенная пульсирует чёрным кубом, корабль говорит голосами мёртвых, а реальность расслаивается, как ржавая обшивка «драндулета».

Автор создаёт особый язык для бездны: техногенные образы сплетаются с почти мистической торжественностью. Это не просто история — это гипнотическое погружение в мир, где границы между телом и космосом, памятью и пророчеством, человеком и машиной растворяются.

Поэма создана в традициях сюрреалистической научной фантастики, но с налётом психоделического фольклора — будто бродячий сюжет о «корабле-призраке» пересказал нейросетевой оракул.

Для тех, кто готов потерять опору в привычной реальности и провалиться в пространство, где поэзия становится порталом в иные миры.

Все персонажи, события, названия, марки и иные элементы, упомянутые в данной поэме, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или объектами — случайны и непреднамеренны.

Произведение носит художественный характер и использует гиперболу, метафору и фантастические образы исключительно в рамках творческого высказывания. Автор не преследует цели задеть, напугать или оскорбить кого-либо, а также не стремится вызвать негативные эмоции. Всё изложенное — лишь форма художественного исследования границ восприятия и реальности. Ничто из упомянутого в поэме не является призывом или пропагандой какого-либо действия, убеждения или мировоззрения.

Настоящая публикация может свободно распространяться для некоммерческого использования, с условием указания авторства и без изменения содержания.

***

Раскинулся космос простором незримым,
Где звёзды, как искры в углях вековых,
Где тучи газовые вихрем палимы
Плывут, озарённые светом чужим.

Там пульсар, как сердце, стучит в темноте,
Роняя в эфир серебристый след,
А рядом — гигант в полосатом халате
Кружит в хороводе планетных комет.

Туманности вязью лилово-алой
Ткут кружева на просторах пустых,
Где чёрные дыры, как стражи усталы,
Хранят бесконечность в объятьях своих.

И где-то далёко, за гранью орбит,
Где мгла разливается синей водой,
Корабль одинокий свой путь совершает
Сквозь вечность, пронзённую светлой звездой.

А в бездне, где время течёт не спеша,
Где холодный мрак обжигает, как пламя,
Лишь эхо былых взрывов тихо дыша
Шепчет нам забытое имя Вселенной.

***

Раскинулся космос простором незримым,
Но мне не до звёзд — я матрос корабельный.
Таскал я грузы на «Рюмке» (драндулете),
Где двигатель пел, как котёл похмельный.

Бывало, везли мы и сталь, и зерно,
А раз — три ящика с маркой «03-13».
Но рейс тот, под номером 116,
Мне врезался в память, как шрам на броне.

Тот день начинался с поломки в системе —
Датчики слепли, экраны дымили.
Капитан (мужик с бородой, как у дьявола)
Сказал: «Это фигня. Летим, крокодилы!»

А дальше... но это уж, брат, после паузы.
Скажи — продолжать? Или хватит пока?
Я строго учту все твои пожелания,
Чтоб строчка к строчке ложилась строфа.

***

«Тихий Джек» висел в пустоте, как гнилой зуб,
след на корпусе — ровный, будто ножом.
Я внутрь пролез — и сразу понял:
здесь всё не так... даже тишина.

В трюме стояла вода. Не вода — жидкий металл,
а в нём — наш груз: чёрный куб.
Грань к грани, угол к углу,
но внутри — не геометрия, а сон.

Я тронул его — и куб рассмеялся
Звуком, которого нет в диапазонах уха.
Капитан орал в рацию: «Быстро на выход!»,
но я не мог — ступни приросли к полу.

А потом... куб развернулся.
Не дверцей — пространством.
Внутри — город. Наш порт.
Тот самый, откуда мы вылетели вчера.

Только все там стояли на месте,
смотрели вверх (в мой зрачок?),
а я — висел над ними, как бог
или муха в янтаре...

***

Я рухнул в тот порт — но не вниз, а сквозь,
Сквозь плиты, как призрак сквозь стены больницы.
А люди — застыли, как в дешёвой голограмме,
Лишь глаза провожали, вращаясь в глазницах.

Мой бармен Гришка (а это был он,
Но без шрама от сварки на левой руке)
Тянул ко мне бокал с синей жидкостью,
Где плавало... моё отражение.

Я крикнул — звук растворился в горле,
Попытался схватить хоть один из предметов —
Но пальцы входили в столы, в стены,
Как в пепел, оставшийся после костра.

А куб тем временем (я чувствовал!)
Рос за спиной, поглощал этот мир.
Уже пол дока стёрлось в черноту,
И тени людей поплыли, как чернила...

Вдруг — удар! Я снова в трюме,
На полу, в луже того металла.
Капитан тащил меня за подбородок,
Крича: «Очнись, болван! Он в тебя влез!»

***

Три дня я плевался металлическим вкусом,
А "Рюмка" кашляла сбоями в трубках.
Капитан шептался с бортовым — не с компьютером,
С чем-то, что пряталось в чёрных экранах.

На четвертый день замигал наш навигатор —
Вывел курс сам, без моей команды.
На "Молчун"? Нет. На "Титан"? Мимо.
Путь вёл нас к "Станции X" (а такой нет в реестрах).

А куб... Чёрт, куб теперь пел по ночам,
Голосом матери (а она умерла в марте).
Я полез в грузовой отсек с фонарём —
И увидел: стенки покрылись надписями.

Не цифрами — именами. Всей команды.
И датами... завтрашними числами.
Напротив "Гришки" стояло: "13:00 — разгерметизация",
А у моего — "14:30 — перерождение".

Я рванул к мостику — и услышал, как смеётся
Сам корабль. Сквозь скрип обшивки.
Капитан сидел в кресле, лицом к иллюминатору,
Но отражение в стекле улыбалось мне вместо него...

***

В 14:25 у меня отслоились ногти —
Под ними искрилось, как сплавы в тигле.
Я бился в дверях грузового отсека,
Но «Рюмка» дышала мне в спину горячим мазутом:

*«Ты же хотел увидеть настоящий космос,
Вот он — загляни под обшивку!»*

А куб тем временем пульсировал в такт
С аварией реактора (совпадение? Не думаю).
По коридорам ползали тени —
Не наши, нет... Те, что были до нас.

Я рванул к каюте — схватить скафандр,
Да вот беда: зеркало ожило.
Моё отражение держало в руках мозг —
Мой мозг — и чистило его паяльником.

Взрыв! Огонь по вентиляции!
Где-то кричала сирена, но голосом Гришки.
Я вылез в шахту — а там... капитан.
Точнее, его комбинезон, заполненный насекомыми из гаек.

Они собрались в его лицо и прошипели:
«Беги. Она уже слышит нас»

***

Я дополз до мостика — экраны горели,
Показывая одну и ту же дату:
12.04.2187 — день, когда мы ещё не родились.

«Рюмка» вела себя сама:
Резала автопилотом курс сквозь астероиды,
А в иллюминаторе... она.
Станция.

Не конструкция — плоть.
Органическая, гигантская, с венами из трубопроводов.
Её шлюзы пульсировали, как жабры,
А антенны шевелились, собирая радиошипение мёртвых цивилизаций.

Куб завыл — и я понял:
Это не груз. Это приглашение.
И «Рюмка» — всего лишь инструмент,
Чтобы доставить нас к столу...

***

Я стоял перед кубом — он раскрылся,
как цветок из рваного мяса и звёзд.
Внутри: маленькая вселенная
(с пальчик ребёнка, но без кожи).

Она дышала.

Капитан (точнее, то, что им прикидывалось)
ползло по полу, треща суставами:

«Убей! Это же гнилая тварь!»

А «Рюмка» вторила сиреной — плачем.

Я поднял резак (плазма горела синим) —
и замер.

Там, в глубине...

Наш порт. Настоящий.

Где я (но другой) пью с Гришкой синюю жидкость,
а капитан живой ругается с механиком.

И этот поднимает голову —
смотрит сквозь годы и слои реальности —
прямо на меня.

Я сделала выбор.

***

На станции «Сатурн-016» до сих пор рассказывают
про «Рюмку», что исчезла в пустоте
с экипажем и грузом (маркировка «03-13»).

А в баре иногда мерцает экран —
показывает кусок чужого неба.
Если приглядеться — там наш герой
машет нам из новой реальности...

Или это просто помехи?